

Ина Людмила Эпштейн

ПАМЯТНИК

*К 175-летию со дня рождения Д.К. Чернова – великого
русского ученого-металлурга и отца металлографии*

По серпантину горной дороги машина плавно спускалась к городу. Вдали заблестела полоса моря. Растворяя бензиновую гарь, в салон ворвался морской воздух. Запахло водорослями. Яркие пятна цветущих деревьев смешались с выплывающими крышами домов. Усталость осталась по ту сторону гор, и мы вдруг почувствовали себя в другом ослепительном мире.

Нас было трое: мой муж, четырехлетний сын и я. Как всегда, мы ехали в город Ялту «дикарями». Высшая школа не имела своих ведомственных санаториев и домов отдыха. В институты обычно подбрасывалось несколько путевок другими профсоюзами в разные места и в разное время года. Более того, достать их на всю семью было практически невозможно.

Итак, мы в Ялте. Весенней Ялте, когда цветет глициния, багряниц, торговки предлагают букетики тюльпанов, а на базаре и даже в овощных магазинах появляются свежие огурцы. Вареный картофель со сметаной и свежими огурцами, что может быть вкуснее после зимнего авитаминоза, а еще с молодой зеленью петрушки, укропа и кинзы.

Очереди в столовых росли с каждым весенним днем, напоминая, что скоро наступит лето и тогда на пляже яблоку упасть будет негде. Но нас это не тревожило. Мы приехали на две недели на майские праздники и День Победы подышать целебным морским воздухом, погреться на солнышке и просто сменить обстановку. В Ялте бывали часто, но в этом 1973 году запланировали большую часть времени провести с семьей ялтинского художника Сергея Бакаева, его женой Аллочкой и их дочкой Светкой. Но, именно сейчас, для лучшего понимания происшедшего, необходимо сообщить кто мы.

Мой муж – Криштал Михаил Аронович – профессор, заведующий кафедрой «Металловедение и термическая обработка металлов» и лаборатории «Физика металлов и прочности» Тульского политехнического института. Я – Эпштейн Людмила Евгеньевна – доцент кафедры «Соппротивление материалов» этого же института. Наш сын – Михаил, который впоследствии станет доктором физико-математических наук, профессором.

Отбрасывая все формальности, как и принято между друзьями, в дальнейшем всех будем называть по имени, а сейчас вернемся в Ялту.

По узким кривым нагорным улицам мы долго плелись вверх к особняку, где жили Бакаевы. Да, это действительно был настоящий двухэтажный особняк. На втором этаже в одной из его частей помещалась студия Сергея. Но это была студия. Семья жила на первом этаже. Вход в особняк был со стороны высокой длинной веранды, выходящей в сад. Большой зал первого этажа, в котором некогда размещалась сцена, теперь

был разделен его обитателями на жилые помещения. Бакаевы занимали одну из таких комнат. А весь дом, как улей, был начинен ее жильцами.

Бакаева знали все, и особняк называли его именем. Хотя его предки никакого отношения к особняку не имели.

Знали Бакаева и в городе. Одно время он даже являлся главным художником Ялты, хотя был беспартийным. Помог случай. Как-то к очередному майскому празднику ему срочно заказали портрет нововведенного члена ЦК. Их портреты неизбежно стояли в ряд вдоль небольшого парка возле трибуны, мимо которой проходили демонстранты. Портрет понравился, Бакаева заметили, оценили талант и назначили главным художником города. Правда, продержался он в этой должности недолго – оказался «неуправляем», о чем не жалел. Не выдержал новой работы – писать заказные портреты с не вдохновляющей натуры.

Теперь он больше работал на пленэре или гулял, выискивая интересные уголки, ракурсы. Запоминал необычные композиции людской толпы, цветные пятна природы, меняющиеся ежеминутно. И он спешил. Все нужно было уловить, не упустить так быстро меняющийся миг прекрасного.

Рисовал он практически каждый день. Это были картины, этюды или карандашные наброски. Рисовал маслом, акварелью, темперой, пастелью, а порой сочетал их, создавая воздушную перспективу и игру светотеней для большей эмоциональной выразительности. Картин его было бесчисленное количество, они стояли на стеллажах, образуя узкий проход в его студию.

Глядя на Сергея, можно было подумать: «Вот образец благополучного человека». Он был среднего роста, плотного телосложения, с небольшой бородкой, окантовывающей правильные черты лица, и добрыми черными, немного прищуренными глазами. Весь его облик притягивал собеседников, как магнит. У него было много друзей не только в Ялте и других городах нашей страны, но даже за рубежом.

Он прошел всю войну в партизанских отрядах белорусских лесов. Может быть, поэтому женился поздно. Первая жена Ольга – художница большого таланта, как он говорил, «от Бога», умерла рано. Вторая – Аллочка, похожая на гречанку, с копной рыжих волос и тонкой фигурой, несмотря на туберкулез и слабое здоровье, смогла родить ему дочь. Роды приостановили болезнь. Обилие молока позволило ей выкормить крепкую здоровую малышку. Шаловливая, шустрая, с быстрыми черными глазенками, девочка украсила их жизнь, но физически перегружала мать своей энергией. От частого кашля жены Сергей всегда был в тревожном напряжении. Спасал Аллочку только благотворный ялтинский климат. За пределами Крыма она не смогла бы жить.

Время шло, отсчитывая годы, и, когда наши семьи вновь встретились, Светке уже было восемь лет. В тот праздничный день она предложила прогуляться на кладбище, которое располагалось недалеко от дома. Таинство смерти и мистический страх перед ней всегда притягивал детей к местам вечного покоя. На этом кладбище уже давно никого не хоронили, но там еще сохранились старинные надгробья и склепы.

Пока мы с Аллочкой готовили праздничный обед и накрывали на стол, большой и маленький Михаил, Светка и Сергей пошли осматривать остатки еще сохранившихся старых, дореволюционных памятников. Но не прошло и часа, как они вернулись. По горящим глазам и возбуждению всех было ясно, что произошло что-то необычное.

– Что с вами? – в тревоге спросила Аллочка. – Похоже, что за вами гнались покойники!

– Вы почти угадали, – растерянно произнес Михаил – старший, – произошло невероятное. Ее искали много лет, а тут мы случайно наткнулись на развороченную могилу Чернова – великого русского ученого, металлурга...

– Как это могло произойти, – воскликнула Аллочка, – и кому понадобилось разрушать могилу, и с какой целью?! А впрочем, этот ли Чернов, как вы предполагаете, там захоронен? Судя по вашим лицам, человек был выдающийся.

– Аллочка – гуманитарий, и ей эта фамилия ни о чем не говорит, – вмешался Сергей.

– Непонятно, – продолжал Михаил, – был ли когда-нибудь постамент с памятником? Вполне возможно, что произошло перезахоронение... Но там лежит чугунная плита с мемориальной надписью, которую, как мы выяснили, вот-вот должны отправить на переплав, а на месте кладбища будет разбит парк.

Голос Михаила срывался, лицо покрылось пятнами. Вид у Сергея был не лучше. Только Светка прыгала от возбуждения и все время повторяла:

– Это мы с Мишкой их туда потащили! Это мы! А папа плиту сфотографировал!

– Что написано на плите? – поинтересовалась я.

– Могу прочитать, мы с Михаилом подробно все записали. – И Сергей, надев очки, вытащил из кармана клочок бумаги с рисунком, как он сказал, «чугунной плиты», на которой литым текстом была выведена надпись: *Чернов. 1839–1921 гг.*

– Это все?

– Нет! Ниже надпись: «Отец Металлографии. Провозвестник и глава Новой Школы Металлургов». И подпись: «Русское Металлургическое Общество Своему Почетному Председателю».

– Пожалуй, это действительно он, – согласилась Аллочка. – Но почему я о нем ничего не слышала, если он жил в Ялте?

– Почему вы решили, что он жил в Ялте?

– Вот видишь, Михаил. Женщинам в логике не откажешь, хотя некоторые думают иначе. «Металлург, а живет в Ялте? Почему бы раньше не поискать могилу в Ялте?»

– А ведь она права: «Почему?» – вмешалась я. – Миша, расскажи немного подробней. Ведь с Черновым связана целая эпоха в развитии металлургии. Кому, как ни тебе, лучше знать о нем. Даже на лекциях по сопротивлению материалов мы отводим должное время линиям Чернова–Людерса, а в лаборатории при испытании стальных образцов на растяжение демонстрируем эти линии студентам.

– С удовольствием! Дмитрий Константинович – ученый, получивший широкое признание как в России, так и за рубежом. В научном мире его не случайно называют «отцом современной металлографии». Членом каких только институтов и обществ он не был: Михайловской артиллерийской академии, Общества технологов Петроградского технологического и политехнического институтов, Американского института горных инженеров...

– Ничего себе! – перебила Светка, особо не вникая в смысл перечисленных обществ и институтов.

Ей явно захотелось напомнить о своей роли и поучаствовать в серьезной беседе. А дядя Миша, одобрительно кивнув головой, продолжал:

– И это далеко не все... Назову еще Английское Королевское общество искусств, науки и промышленности, а также Английский институт железа и сплавов, где он был Почетным вице-председателем. Я не случайно вспомнил Английский институт, поскольку Аллочка задала вопрос: «Жил ли он в Ялте?». Нет, не жил. Он уроженец Петрограда, но в 1917 году из Петрограда выехал в Ялту на лечение, где и скончался в 1921 году от туберкулеза...

– Да, двадцатый и двадцать первый год – времена не из лучших, – бросил реплику Сергей и, возвращаясь в прошлое, добавил, – штурм Красной Армией Перекопа, отступление белогвардейской армии из Крыма, паника в городе. Сколько людей погибло во время гражданской войны...

– Хороших времен не бывает, – с раздражением оборвала Аллочка. – А сколько людей погибло потом... – Лицо ее помрачнело. Немного помолчав и, как бы сбросив тяжелые воспоминания, с недоумением спросила: – Почему, имея такую известность, Чернов не поехал лечиться в ту же Англию?

– Твоей жене, Сергей, быть бы следователем. Это, конечно, шутка, а вот английские научные и промышленные круги действительно были в нем заинтересованы. Насколько мне известно, в 1920 году из Константинополя ведомством военно-морского флота «для спасения от большевиков» был специально в Ялту послан миноносец, с предложением Чернову выехать в Лондон. Он отказался и предпочел умереть у себя на родине...

Все молчали. Со двора доносился шум соседей. Шла предзастольная суэта. В комнату проникал аромат цветов, смешанный с запахом жареного мяса. Казалось, ничто не должно омрачать майские праздники, но в беседе произошла заминка. Каждый о чем-то думал... Молчание нарушил маленький Миша.

– Значит, победили красные, а белые бежали по морю!

– Да, на кораблях.

– И миноносец тоже бежал?

– Тоже.

– Так им и надо, – вмешалась Светка, – нечего наших ученых забирать.

– Нечего, Светочка, – согласился Сергей, – они нам самим нужны.

– Сергей, а тебе, как художнику, – с оживлением поинтересовался Михаил, – должно быть известно, что Дмитрий Константинович прекрасно рисовал.

– Да, он писал маслом и акварелью в манере мастеров голландской школы, любил музыка и...

– И, – перебил Михаил, – «будучи студентом Петербургского технологического института, – как писала в своих воспоминаниях его дочь Александра, – сам с большим успехом участвовал в концертах, обладая незаурядным голосом».

– Но я хотел еще добавить, – продолжал Сергей, – что Дмитрий Константинович хорошо играл на скрипке и, по-моему, даже изготавливал смычковые музыкальные инструменты. – И Сергей ожидающе посмотрел на Михаила.

– Ты прав. Особенно скрипки и альты. Его заинтересовал секрет звучания итальянских старинных скрипок, и он, изготовив свои, добился равноценного звучания. И, что еще интересно, основываясь на математических расчетах, он пришел к выводу, что не годы и не лак влияют на звучание скрипки, а построение деки.

– А какое отношение он имел к математике? – поинтересовался Сергей.

– Он закончил экстерном физико-математический факультет Петербургского университета. Но «чистая» математика его не увлекала. Он использовал ее, как инструмент для расчетов, точно так же, как химию и механику.

– Миша, если я не ослышалась, – вспомнила я, – ты сказал, что он был профессором Артиллерийской академии. Пока мы с Аллочкой заняты приготовлением салатов, расскажи, пожалуйста, за какие заслуги.

– Если я не ошибаюсь в дате, то в 1866 году, будучи еще молодым ученым, Дмитрий Константинович был приглашен на Обуховский сталелитейный завод для выявления причин и устранения брака при изготовлении крупнокалиберных орудий морской артиллерии, изготовленных из литой тигельной стали. Завод этот был построен в Петрограде по проекту виднейшего металлурга Обухова и был введен в строй в 1863 году.

– Он же был его владельцем, – дополнил Сергей.

– В результате исследований, – кивнув головой, продолжал Михаил, – по виду излома и данных, полученных при испытании образцов стали на испытательной машине с привлечением современных, по тем временам, знаний по химии и физике, Чернов выявил и теоретически обосновал, что структура и свойства стали зависят от ее термической обработки!

– Что металловеды понимают под термической обработкой? – спросила с улыбкой Аллочка, поставив на стол блюдо с только что запеченной бужениной. От мясного аромата все вздохнули, а Михаил невозмутимо продолжал:

– Это нагрев стали до определенных температур с последующим быстрым охлаждением. Например, до восьмисот пятидесяти градусов и охлаждением в воду. Так вот, принято считать, что наука о стали начинается с 1868 года, когда Черновым были обнаружены особые критические температурные точки. В этих точках, в которых после нагрева выше определенных температур, происходит изменение кристаллической решетки и скачком выявляются новые свойства стали...

– Все время выявляются новые стали? – вмешался Мишенька. – Иванушка убил Змея-Горыныча стальным мечом, который тоже выявился или был всегда у древних людей?

– Вот видишь, Михаил, твой сын не на шутку заинтересовался этим явлением. Да еще с намеком, что еще раньше, в древние времена, люди умели повышать твердость стали путем ее закалки в воду. Глядишь, и он пойдет по вашим стопам.

– Ну что же, было бы неплохо. Жизнь покажет. А что касается стали, то действительно было оружие высочайшего класса, что зависело от искусства одиночек. Люди думали, что это достигается в результатековки.

Войдя в роль лектора, выразительно жестикулируя и передвигаясь в узком пространстве между шкафом и столом, Михаил продолжал:

– Сейчас же, изменяя параметры термической обработки, можно получить различные структуры и свойства для сталей разного состава, что используется на практике. Таким образом, *открытие Чернова кристаллической структуры литой стали стало фундаментом для создания науки металловедения.*

– Дядя Миша, – с серьезным видом знатока вмешалась Светка, – Чернов только орудия делал, а танки и самолеты тоже мог?

– Нет, Светочка. В начале прошлого века самолетов еще не было, но, кстати, на кафедре в своей лаборатории он занимался проектированием летательных аппаратов... А вот, глядя на стол вызывающий аппетит, и разукрашенные зеленью салаты, могу добавить, что он любил на своем приусадебном участке заниматься садоводством...

– А глядя на бутылку массандровского вина, которая нас ждет, что можно сказать? – обратился ко всем Сергей с намеком, что пора садиться за стол.

– Если этот вопрос также касается Чернова, – не успокаивался Михаил, – то по воспоминаниям его дочери, он изготавливал ягодные вина из любых сортов ягод, которые пил сам и угощал гостей.

– Какой талантливый, разносторонне образованный и одаренный человек, вроде Ломоносова, но он, наверное, из дворян? – спросила Аллочка.

– Нет, из простого народа, рано осиротел, и в жизни ему пришлось несладко.

– Я хочу сладкого и хочу кушать, – жалобным голосом пробормотала Светка.

Все действительно проголодались, тем более после такого стресса.

– Прошу к столу, – скомандовала Аллочка, – ведь праздник, пора за это выпить. А коль скоро у нас пошел такой разговор, то за науку и ученых также поднимем тост!

– А с сохранением плиты тянуть нельзя, – обратился к Сергею Михаил, – надеюсь, руководство города поймет, что этот исторический памятник – достояние не только русской, но и мировой науки.

– Папа, а плиту не поломают?

– Нет, Мишенька. Мы с дядей Сережей постараемся.

Нужно было срочно предпринимать какие-то меры. Но весь город готовится к празднику – Первое Мая! В горисполкоме – не до них. Благо, рабочие, которым поручили демонтировать кладбище, уже давно находились в предпраздничном подпитии, и работы временно приостановились. А там еще девятое мая – День Победы, и «демонтажники» не торопились, можно потянуть время... Решено было воспользоваться этой задержкой. Но мало ли что? Вдруг ситуация неожиданно изменится? Действовать надо незамедлительно. У Сергея еще остались прежние знакомые в горкоме и горисполкоме. Необходимо с ними связаться и все объяснить. Плиту нужно спасти, во что бы то ни стало!!!

Я не стала дальше описывать все сложности, с которыми пришлось столкнуться, преодолевая преграды бюрократического механизма, чтобы не превращать воспоминания в рапорт. Более того, трудно сейчас после стольких лет воспроизвести все доподлинно, но задействованы были «сильные мира сего», в том числе секретари Тульского обкома и Крымского крайкома КПСС.

Эпилог

21 сентября 1999 года на Украине, в Ялте «произошло знаменательное событие: состоялось торжественное открытие памятника Дмитрию Константиновичу Чернову (1839 – 1921) – выдающемуся русскому ученому–металлургу, основоположнику металловедения и термической обработки металлов».

Памятник создан в канун 160-летия со дня его рождения. Это целый архитектурный комплекс, в основе которого лежит чугунная плита, отлитая

в 1925-1930 годы. О его инициаторах и открытии можно подробно ознакомиться в журнале: «Металловедение и термическая обработка металлов», № 4, 2000 и других источниках, материалы которых любезно мне предоставил его главный редактор, Президент Ассоциации металлургов России, профессор, доктор технических наук Борис Алексеевич Прусаков.

